

Седьмой год правления Цзяньнин, третье число третьего месяца.

Ослепительно-белый свет, подобно раскаленному кончику иглы, вонзился в глаза Цзян Мину. Он судорожно зажмурился, и сухие веки, скребя по глазным яблокам, отозвались острой болью. Ноздри наполнил густой запах ржавчины, смешанный с гарью пыли и пороха — этот запах, въевшийся в самую душу, был последним воспоминанием о поле боя.

Он инстинктивно поднял руку, чтобы закрыться, но сквозь пальцы пробился не серый брезент армейской палатки, вечно покрытый пылью и натянутый на стальной каркас, который он помнил.

Вместо него перед взором раскинулась безбрежная, пугающе чистая лазурь. Небо было настолько прозрачным, без единого облачка, что казалось, будто над головой опрокинули чашу с самой глубокой морской синевой. Никакого гула винтов, разрывающих воздух, никакого эха далеких разрывов — лишь тяжелая, почти удушающая тишина.

В этой мертвой тишине отчаянно пульсировал лишь один звук — его собственное сердце, глухо ударяющееся о ребра, словно барабан в пустой долине.

— Где это... я? — голос прозвучал сипло, будто наждачная бумага прошла по горлу, а в нем сквозили растерянность человека, чудом избежавшего смерти, и животный ужас, проникающий до мозга костей.

Последняя сцена афганской кампании вспыхнула в памяти: пронзительный свист, приближающийся из ниоткуда, он бросается к молодому солдату, лежащему за укрытием с распоротым животом, пальцы почти касаются окровавленной камуфляжной формы... а затем ослепительная вспышка, и яростная ударная волна, подобная невидимому молоту, отшвыривает его прочь. Острая боль. Темнота. Для военного врача миротворческого контингента это не могло быть концом.

— Паренек из семьи Цзян очнулся! — грубый, зычный голос разорвал тишину, в нем слышалось неприкрытое ликование.

Цзян Мин — нет, ледяное, пронзительное предчувствие сковало его, какая-то абсурдная мысль насильно проникала в сознание — он, возможно, больше не Цзян Мин. С трудом повернув шею, он услышал, как хрустнули позвонки. Перед глазами предстал старик с седой бородой и лицом, изборожденным глубокими морщинами. Тот склонился над ним, в мутных глазах читалась искренняя забота. На старике была выцветшая добела грубая куртка из домотканой материи с толстыми заплатами, а пояс был небрежно перехвачен соломенной веревкой... Такое можно увидеть только в исторических фильмах!

Холод пробежал по спине.

— Я... — начал он, пытаясь приподняться. Голос все еще был сухим.

Стоило напрячь руку, как левое плечо и спину пронзила невыносимая боль. Перед глазами поплыло, он глухо застонал и снова рухнул на жесткое ложе. Под ним лежал толстый слой сухой соломы, источающий запах пыли, прогретой солнцем, и легкий привкус плесени. Грубая циновка впивалась в тело, отчего ныли все кости.

— Тише! Тише! Кости только срослись, жилы повреждены, не спеши! — старик поспешно прижал его за плечо, останавливая, а затем обернулся и снял с низкого глиняного очага грубую керамическую чашу. В ней дымился густой черный отвар, от которого исходил резкий, горький запах. — На, пей, пока горячий. Для костей и жил полезно.

Цзян Мин — он заставил себя принять эту новую личность — Цзян И? Он нерешительно взял чашу. Стенки были толстыми и шершавыми, ощущалась первобытная текстура глины, исходящее от нее тепло приятно грело ладони. Как врач, он действовал по профессиональному инстинкту, который на мгновение подавил хаос, вызванный перемещением во времени. Он склонил голову, осторожно вдыхая аромат темной жидкости. Под густой горечью скрывался сложный букет трав.

— Шлемник... — пробормотал он почти бессознательно, распознавая знакомую основу для снятия воспаления и жара. — Солодка... сладкая, смягчает, гармонизирует действие лекарства... — Принюхавшись внимательнее, он уловил несколько незнакомых запахов землистых трав, которые упорно примешивались к остальным. Он кончиком языка осторожно коснулся горячего отвара. Горечь мгновенно взорвалась на рецепторах, но за ней действительно последовало сладковатое послевкусие солодки и едва уловимый холодок.

— Благодарю, почтенный, — прохрипел он и, делая вид, что пьет, принялся осматриваться.

Хижина была низкой и тесной, стены из грубой глины, обмазанные сухой травой. Крыша крыта толстым слоем соломы, сквозь щели которой пробивались тонкие лучи солнца, рисуя на земляном полу дрожащие пятна света. В углу лежали изношенные сельскохозяйственные орудия — мотыга, деревянные грабли с отполированными до блеска рукоятями. На стене висели старый плащ из травы и коническая шляпа, хранившие следы сырости. За открытой дверью виднелись бесконечные зеленые горные хребты. Склоны были крутыми, ниже середины виднелись неровные террасы, поросшие редкой травой. Никаких следов современной цивилизации — ни столбов, ни асфальта, ни шума индустриальной эпохи.

Тишина, первобытность, дикость.

Огромное чувство абсурда и ледяной ужас снова охватили его.

— Почтенный... — он взял себя в руки, поставив чашу на землю, — какой сейчас год?

Старик, ворошивший тонкой веткой почти погасшие угли в очаге, замер. Он обернулся, и на его изборожденном морщинами лице отразилось удивление:

— Седьмой год Цзяньнин, третье число третьего месяца! Паренек, ты что, в самом деле упал со скалы и повредил голову? — он с тревогой разглядывал Цзян И. — Даже этого не помнишь?

Седьмой год Цзяньнин! Эпоха императора Лин-ди из Восточной Хань! Время, когда власть захватили евнухи, когда вспыхнуло восстание Желтых повязок, когда повсюду голод и трупы, когда на пороге эпоха раздробленности и кровавых войн!

Словно гром среди ясного неба, это осознание потрясло его. Сердце, казалось, сжала ледяная рука. Он опустил взгляд на свои руки, упирающиеся в циновку. Это были молодые руки — жилистые, смуглые, с огрубевшей кожей и толстыми мозолями у основания пальцев. Это были не руки современного военного хирурга, привыкшие к скальпелю, сильные, но ухоженные. Это были следы долгой работы с тяжелыми орудиями или... оружием! Он инстинктивно согнул пальцы: суставы были немного жесткими, но чувствовалась странная, молодая сила и выносливость.

— Почтенный, кто... кто я такой? — вопрос звучал абсурдно, но он должен был его задать. Ему нужна была точка опоры, даже если она принадлежала чужой душе.

Старик вздохнул, отложил ветку, и тени от углей заплясали на его лице, делая его еще старше:

— Единственный сын семьи Цзян из Ичжоу, Цзян И, семнадцать лет. Родители... эх, давно их не стало. Жил с дядей, Цзян Чжуном. — Он помолчал, в мутных глазах мелькнула жалость и гнев. — В прошлом месяце банда проклятых Желтых повязок нагрянула в нашу лощину, грабили, жгли дома... Твой дядя был горяч, вступил с ними в бой... и... — старик покачал головой, голос его стал глуше. — Ты тоже парень не промах, схватил топор, бросился в погоню, хотел отомстить... В итоге, эх, у Ущелья Печали Орла, слишком торопился, оступился... и рухнул с такой высоты! Повезло, что внизу глубокий омут, да и склон зарос густо, только поэтому и выжил! Неужели ты правда ничего не помнишь?

Желтые повязки! Восстание! Начало конца империи Хань!

Цзян И почувствовал, как земля уходит из-под ног. Перемещение! Он действительно попал в прошлое! Его душа пронеслась сквозь восемнадцать столетий и оказалась выброшенной в этот кровавый конец эпохи Восточной Хань, где жизнь человека не стоит ломаного гроша!

Холод просочился через каждую пору, замораживая кровь.

— Я... что-то припоминаю... — с трудом выдавил он, голос звучал как скрежет песка. — Дядя... месть... — он произнес эти слова невнятно, словно обрывки чужой памяти, насильно втиснутые в мозг, причиняли боль. — Благодарю вас за спасение.

— Не я тебя спас, ты сам себя спас! — старик махнул рукой и указал на невзрачный серый узел в углу. — Вот, твои вещи. Когда ты упал, узел был крепко привязан к спине. Раны на спине и ногах были страшные, кости сломаны, все в крови. Я простой охотник, что я смыслю в

медицине? Все благодаря тем странным травам и железкам, что были у тебя в узле, да еще старой шкуре с рисунками. Я делал все, как там было начертано: промывал, прикладывал мази, сшивал края плоти той изогнутой иглой и нитью, а потом закрепил сломанные конечности бамбуковыми дощечками... Так и вырвал тебя из когтей Янь-вана.

Слова старика ударили, как молния, рассеивая густой туман в душе Цзян И. Он рванулся к узлу, не обращая внимания на адскую боль в плече. Движение задело рану, на лбу выступил холодный пот, но он, стиснув зубы, дрожащими пальцами развязал узел.

Содержимое разложилось на земляном полу.

Вещи были простыми, первобытными, но в них сквозила холодная, практичная мудрость, опережающая эту темную эпоху.

Первыми в глаза бросились ножи. Не обычные для этого времени бронзовые или железные инструменты, а некий сплав, отливающий холодным серовато-белым блеском. Форма была странной: одни тонкие и острые, как ивовый лист, с невероятно тонким лезвием; другие — с точным изгибом, похожие на миниатюрные серпы. Никаких украшений, только строгие линии, созданные для резания и отделения тканей. Рядом лежали несколько гладко отполированных костяных игл с крошечными ушками и моток прочных льняных нитей. Несколько пакетов из сухих листьев источали смесь ароматов: пряных, горьких, освежающих.

Сердце Цзян И забилось быстрее. Он осторожно взял длинный узкий нож, чувствуя холод металла и остроту лезвия. Это не обычное железо! Твердость и гибкость превосходили все, что было доступно металлургии той эпохи! Эти изящные изгибы, лезвие тоньше крыла цикады... это инструменты для тонкой анатомии и хирургического шва!

— Я... владею медициной? — он поднял взгляд на старика, в голосе звучала нетерпеливая мольба о подтверждении.

Старик ухмыльнулся, обнажив желтые зубы, и в его глазах блеснула гордость:

— Кто в деревне не знает, что паренек из семьи Цзян умеет лечить? Твой отец, когда приплыл из Ичжоу, привез с собой немало странных рецептов и способов врачевания. Говорят, они в море только этим и спасались! Потом все перешло тебе. Когда дядя был жив, кто в деревне не бежал к тебе с головной болью или ранами от топора? Твои приемы не похожи на методы деревенских лекарей, все делаешь ловко! Правда, инструменты выглядят пугающе, словно у мясника... — он помолчал и добавил: — Странно только, что многих трав из рецептов твоего отца здесь не найти, и ты сам уходил в лес, искал похожие корни и лианы... В этот раз ты, верно, тоже за редкими снадобьями полез, да и сорвался.

Ичжоу... Тайвань. Морской путь... Дальние плавания... Медицинские знания, опережающие время...

Слова старика складывались в картину. Потомок семьи из Ичжоу, владеющий уникальной, возможно, утраченной медицинской традицией!

Цзян И сделал глубокий вдох, вдыхая воздух, пропитанный травами, землей и соломой — тяжелый воздух этого смутного времени. Он опустил взгляд на холодные инструменты с почти священным трепетом. Наконец, он взял один из пакетов с порошком.

Развернув его, он увидел темно-бурый порошок с резким горько-пряным запахом. Он тщательно перебирал его: шлемник, пахучка, травы для остановки крови... Но под этим ароматом скрывалось нечто едва уловимое.

Зрачки Цзян И сузились. Сердце сжала невидимая рука.

Он затаил дыхание, взял щепотку порошка и поднес к носу. Запах усилился — специфическая древесная горечь, слабая, но отчетливая.

Не может быть!

Хинин!

Средство от малярии! Его активный компонент получают из коры хинного дерева, растущего в Южной Америке! В конце эпохи Восточной Хань, на землях Китая, за тысячу лет до открытия Колумбом Нового Света... Этого вещества здесь просто не могло быть!

Дрожь пробежала по телу. Тайна происхождения предков этого парня была куда глубже и поразительнее, чем он думал! Это не просто путешествие через пролив, за этим скрывался путь в еще более далекие и загадочные земли, давно стертые из истории! Тайна, способная перевернуть все представления о мире!

Он сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Последние лучи заходящего солнца скользнули в хижину, осветив инструменты и пакет с порошком, окрашивая их в кроваво-золотой цвет.

Снаружи — весна седьмого года Цзяньнин, дым пожарищ восстания Желтых повязок, гибнущая империя. Внутри — душа из будущего, стоящая перед наследием с другого берега океана.

Хаос бушевал в груди, но под этими волнами начало формироваться нечто иное. Это был инстинкт военного врача — искать выход в безвыходной ситуации, строить надежду на руинах. В крови этого тела, казалось, бурлила дикая энергия предков из Ичжоу, готовых исследовать неведомое.

Костяная игла была холодной, льняная нить — прочной. Горечь трав обещала жизнь.

В этом хаосе жизнь человеческая дешева, эпидемии и войны повсюду. Но...

Он медленно поднял голову, глядя на закат, чье кровавое зарево предвещало приход темных времен, но одновременно разжигало в глубине его глаз крошечную, упрямую искру.

У него были знания современной медицины. Он унаследовал инструменты и наследие из загадочного Ичжоу.

Милосердие врача... В этом мире, где люди пожирают друг друга, это милосердие может стать острейшим клинком и прочнейшим щитом, чтобы на этой пропитанной кровью земле вырвать себе путь к жизни!

<http://bllate.org/book/18471/1771451>